

«С тысячей грязных мыслей внутри было сердце мое как застоявшаяся вода.

Но в самый холодный день зимней ночи[1] в него вдруг проникла весна[2].

Неужели Небеса сжалились над одинокой травинкой, живущей во тьме?

Боюсь лишь, человеческая слабость[3] не выдержит испытаний, ниспосланных свыше[4]».

[1] 三九 sānjiǔ саньцзю «третья девятидневка» — период наибольших холодов с 19-го по 27-й день после зимнего солнцестояния.

[2] 春景 chūnguāng чуньгуан — весенний пейзаж; весенний колорит; переносное значение — эротическая сцена/сон; метафора — молодость.

[3] 三心二意 shìtài yánliáng шитай яньлян «отношение людей то палит, то морозит» — человеческое непостоянство, изменчивость, ненадежность в дружбе и любви.

[4] 風雨 fēngshuāng фэншун «ветер и иней» — аналогия с трудностями и горестями на дороге жизни.

Хрустально чистый женский голосок плавно доносился до ушей. Словно жемчуг, с тихим стуком падающий на нефрит, эти слова с нежным звоном били по воспаленному мозгу Мо Жаня, причиняя такую сильную головную боль, что на лбу и висках вздулись вены, а голова была готова взорваться.

— Какого черта расшумелись?! Где откопали этого стонающего злого духа? Эй, кто-нибудь, быстро выбейте из этой суки всю дурь!

Выпустив пар, Мо Жань наконец осознал, что что-то не так.

...Разве он не умер?

Ненависть и холод, боль и леденящая тишина сдавили грудь. Мо Жань резко открыл глаза.

Все, что случилось перед его смертью, развеялось, словно первый снег на ветру. Он обнаружил себя лежащим на кровати, и она находилась не на Пике Сышэн. Изголовье было украшено резными драконами и фениксами, а сама древесина источала приторно-женственный аромат пудры. Довольно поношенные и истертые розовые и светло-сиреневые одеяла и подушки расшиты узорами в виде играющих в воде уток-мандаринок[5]. Подобное постельное белье часто можно было увидеть в спальнях женщин легкого поведения.

[5] 鸳鸯 yuānyāng юаньян — «утки-мандаринки»; неразделимая пара (людей или вещей); символизируют пару на всю жизнь, являются символом любви и верности.

鸳鸯戏水 yuānyāngxìshuǐ юаньяншишуй «утки мандаринки плещутся в воде» — китайская поговорка о любящей паре; метафора: заниматься любовью. Также «утка-мандаринка плещется в воде» — это название для прозрачного супа с приготовленным на пару голубем.

— ...

Мо Жань на мгновение застыл.

Он знал, что это за место.

Дом развлечений[6], что находился неподалеку от Пика Сышэн.

Дом развлечений — это было лишь более-менее приличным названием для борделя, которое намекало гостям на возможность интимных встреч без обязательств, ведь тем, кто пришел сюда, было довольно просто встретиться, а уходящим — легко расстаться.

[6] 瓦子 wǎzǐ вацзы — притон, публичный дом, дом развлечений; дословно «осколки черепицы» (瓦片 wǎpiàn). Название пошло от выражения «瓦缝易合» «приходящих легко уложить, уходящих легко разъединить», прямо как черепицу.

В юности Мо Жаня был такой период, когда он был очень неразборчив в связях. Тогда больше половины каждого месяца он ночевал в этом притоне. Однако, когда ему было около двадцати, этот публичный дом был продан, а затем переделан в винную лавку. Как так вышло, что после смерти он внезапно очутился в давно уже не существующем борделе? Что здесь вообще происходит?

Неужели в своей прошлой жизни он сотворил так много зла и погубил так много молодых девушек и юношей, что в наказание переродился в теле проститутки из низкопробного публичного дома?

Витая в своих мыслях, он неосознанно повернулся на другой бок и столкнулся с чьим-то спящим лицом.

— ...

Что это? Почему рядом с ним кто-то лежит? Тем более абсолютно голый мужик?!

Парень был совсем молодым с изящными и милыми чертами лица, словно вырезанными из белоснежного нефрита. С первого взгляда было и не понять, парень перед ним или девушка.

Хоть на лице Мо Жаня не отразилось никаких эмоций, в душе он рвал и метал. Долго всматриваясь в белоснежное кукольное личико, он вдруг вспомнил.

Разве это не тот продажный мальчик[7], с которым он так любил развлекаться в пору своей молодости? Кажется, его Жун Сань звали? Или, может, Жун Цзю[8].

[7] 小倌 xiǎogūn сяогунань «маленький служка» — так называли мужчин-проститутков.

[8] 九 Róng Jiǔ Жун Цзю «включая множество/девять». 三 Róng Sān Жун Сань — «включая много/тройку»; т.е. значение 3 и 9 похоже (3 — много/9 — множество), поэтому Мо Жань путается.

Стоит отметить, что выбрав подобное имя, автор, возможно, намекает на то, что этот персонаж по жизни «вмещал в себя многих».

Неважно, Сань или Цзю, важно то, что этот паренек умер от венерической болезни[9] много лет назад и от него даже костей уже не должно было остаться. Но сейчас он тут, живехонький, уютно примостился на своей стороне кровати. Одеядо сползло, оголив шею и часть плеча, усыпанного алыми следами любви.

[9] 花柳病 huāliǔbìng хуалюбин «болезнь цветущей ивы» — венерические болезни, в целом, и сифилис, в частности.

С натянутым выражением лица Мо Жань приподнял одеядо и заглянул под него.

— ...

Тело этого красавца Жун Цзю или Сань — ладно, пусть будет Жун Цзю, — было покрыто множеством следов от ударов хлыстом, а белоснежное нежное бедро было стянуто парой красных веревок.

Мо Жань почесал подбородок и подумал про себя: «Интересненько».

Как ни крути, а это утонченное искусство связывания и безупречная техника выглядели слишком знакомо.

Мать вашу, не может быть! Это же дело его рук!

Как совершенствующийся, который в прошлом был очень увлечен вопросом перерождения, теперь Мо Жань не мог не подозревать, что, кажется, снова вернулся к жизни.

Чтобы подтвердить свои догадки, он нашел бронзовое зеркало. Вещь была старой и затертой, но в мутном отражении все равно легко угадывались его собственные черты лица.

На момент смерти Мо Жаню было тридцать два и он был мужчиной в расцвете своих сил, но парнишка в зеркале, несмотря на характерный полный высокомерия и властности взгляд, выглядел совсем уж юно, лет так на пятнадцать или шестнадцать.

В спальне больше никого не было, поэтому гроза целого поколения совершенствующихся, Сычуаньский Деспот, непревзойденный правитель мира смертных, глава Пика Сышэн, Наступающий на бессмертных Император Тасянь-Цзюнь, Мо Жань после долгих раздумий со всей искренностью выразил свои чувства:

— Блять...

Этим своим единичным посылом он все же разбудил так сладко спавшего Жун Цзю.

Красавец лениво принял сидячее положение, и накинутое на его тело легкое одеядо из парчи соскользнуло с покатых плеч, открывая взору гладкую белоснежную кожу. Окутанный облаком длинных шелковистых волос, он поднял томные заспанные глаза, уголки которых были подчеркнуты чуть стершимися красными тенями, и зевнул.

— Ах... молодой господин Мо сегодня проснулся так рано.

Мо Жань промолчал. Лет десять назад ему действительно нравились такие полные жеманности женственные красавчики, как Жун Цзю, однако нынешнему тридцатидвухлетнему Наступающему на бессмертных Императору подумалось, что, должно быть, его тогда хорошенько приложили головой, раз такие мужчины начали казаться ему привлекательными□.

— Разве ночью вам плохо спалось, а может, кошмар приснился?

«Этот достопочтенный умер. Думаешь, это считается за кошмар?»

Жун Цзю, заметив, что собеседник все так же молчит, решил, что тот просто не в настроении. Он поднялся с кровати, подошел к резной деревянной арке алькова и обнял Мо Жаня со спины.

— Господин Мо, вы какой-то потерянный? Может, уделите мне минутку вашего времени?

От этих объятий у Мо Жаня даже лицо посинело. Руки чесались от желания тут же содрать со спины этого маленького дьяволенка всю кожу, а потом залепить по его нежному личику пару десятков затрецин. С большим трудом, но ему все же удалось сдержаться.

У Мо Жаня все еще немного кружилась голова, и он не мог до конца разобраться в текущей ситуации.

В конце концов, если ему в самом деле удалось переродиться, значит, выходит, что буквально вчера он еще самозабвенно развлекался с Жун Цзю. Если после этого, проснувшись с утра пораньше, он разукрасит его лицо синяками, разве не будет похоже это на действия психически нездорового человека? Нет, это ненормально. Слишком неподобающе.

Приведя свои мысли и чувства в порядок, Мо Жань как бы невзначай спросил:

— Какое сегодня число?

Жун Цзю немного опешил, но после сразу же рассмеялся:

— Четвертый день пятого лунного месяца.

— Тридцать третий год шестидесятилетнего цикла[10]?

[10] 丙申年 bǐngshēn nián биншэнь нянь — год в лунном календаре, соответствующий году обезьяны, 33 год в цикле из 60 лет. Например 1836, 1956, 2016.

— Это был прошлый год. Сейчас на дворе уже тридцать четвертый[11]. Господин, у вас память как у рыбки, раз все еще живете вчерашним днем.

[11] 丁酉年 dīngyǒu nián динъю нянь — 34 год в 60-ти годичном цикле.

Тридцать четвертый...

В глазах Мо Жаня вспыхнуло понимание, в голове со скоростью света проносились минувшие события.

В тот год ему исполнилось шестнадцать. Как раз тогда глава Пика Сышэн признал в нем пропавшего много лет назад племянника и в одно мгновение из забитой паршивой собаки он превратился в прекрасного феникса, сидящего на верхних ветках дерева.

Итак, он в самом деле переродился?

А может, это только его посмертный сон?..

Жун Цзю рассмеялся:

— У молодого господина Мо, похоже, голова кружится от голода, раз он не помнит, какой сегодня день. Посидите здесь, пока я схожу на кухню, принесу еды. Что насчет жареных лепешек[12]?

[12] 油條 yóu xián bǐng ю сюань бин — жаренные в масле закрученные лепешки, больше похожие на рулетики с зеленым луком.

Мо Жань только переродился и не знал, как на все это реагировать, но решил, что пока стоит двигаться по тому же пути, что и в прошлом. Так что он выудил из памяти тот полный подростковой романтики образ и, ухмыльнувшись, ущипнул Жун Цзю за бедро.

— Отлично. Еще кашу захвати и возвращайся, чтобы покормить меня.

Жун Цзю накинул одежду и ушел. Через некоторое время он вернулся с деревянным подносом, на котором стояла миска с тыквенной кашей, пара жареных лепешек и тарелка с овощами на закуску.

Мо Жань как раз немного проголодался и хотел было уже схватить лепешку, как Жун Цзю внезапно перехватил его руку и кокетливо сказал:

— Давайте я вас покормлю, молодой господин.

— ...

Жун Цзю взял одну лепешку и сел к Мо Жаню на колени. Сверху на него был накинут лишь тонкий халат, под которым ничего не было. Он развел свои стройные нежные бедра и прижался к телу Мо Жана, недвусмысленно потеревшись об него. Эта его попытка соблазнения была слишком уж очевидной.

Мо Жань уставился ему в лицо.

Жун Цзю, решив, что ему удалось возбудить в нем похоть, наигранно сердито сказал:

— Что это вы все время на меня так смотрите? Еда остывает.

Мо Жань промолчал, вспоминая все «хорошее», что этот Жун Цзю делал за его спиной в прошлой жизни. Уголки его губ медленно поползли вверх в приторно-сладкой улыбке.

В своей жизни Наступающий на бессмертных Император творил множество самых отвратительных вещей. Стоило ему захотеть, и он с легкостью мог воплотить в жизнь любую самую изменную прихоть. Устроить сейчас маленькое представление для него — раз плюнуть.

Мо Жань вальяжно откинулся на спинку кресла и усмехнулся:

— Садись.

— Я... я же и так сижу.

— Ты прекрасно знаешь, куда я сказал тебе сесть.

Жун Цзю раскраснелся и выдал:

— Зачем так спешить? Может, лучше закончить трапезу, а потом... Ах!

Он еще не успел договорить, как Мо Жань с силой приподнял его, подтянул к себе и снова посадил. Когда он насадил Жун Цзю на себя, рука юноши дрогнула и чаша с едой упала на пол. Он ахнул и тихо пролепетал:

— Господин Мо, чаша...

— Забудь о ней.

— Но вы... вы сначала хотя бы удовлетворите свой голод... Мн... Ах...

— А прямо сейчас я не удовлетворяю его? — Мо Жань обхватил его за талию. Черные глаза блестели, и в них, как в зеркале, отражались нежная шея и лицо запрокинувшего голову Жун Цзю.

В прошлой жизни Мо Жань очень любил во время постельных игр целовать его алые губы. В конце концов, этот юноша был красив, обаятелен и всегда умел найти правильные слова, которые тронули бы сердце Мо Жана. Сейчас он бы покривил душой, если бы сказал, что был к этому парню равнодушен.

Однако теперь, когда он знал, что тот этими губами делал за его спиной, Мо Жань испытывал отвращение и не желал больше целовать этот вонючий рот.

Все-таки разница между тридцатидвухлетним и пятнадцатилетним была огромна.

К примеру, в пятнадцать он еще умел любить и знал, что такое нежность в постели, а в тридцать два в нем осталась лишь жестокость.

В конце концов, довольно зажмурив черные раскосые глаза, в которых плясали злые искры, он взглянул на Жун Цзю, который уже потерял сознание после того, что он с ним сделал. Когда улыбался, Мо Жань был очень красив. Его невероятно темные глаза при определенном освещении отливали роскошным, завораживающим фиолетовым оттенком. Он одарил Жун Цзю своей самой милой улыбкой и, схватив бессознательное тело за волосы, бросил его на кровать, после чего поднял с пола фарфоровый осколок разбитой чаши и поднес к его лицу.

Раньше он мстил людям даже за косой взгляд, неосторожно брошенный в его сторону, и сейчас ничего не изменилось.

Вспомнив о том, как в прошлой жизни он заботился о судьбе этого парня и даже хотел выкупить его из публичного дома, в то время, когда тот за его спиной вступил в сговор с другими, решив разжиться за его счет, он прищурился и с удовлетворенной улыбкой приложил осколок к его щеке.

Если торгующий своим телом человек лишится красивого лица, он станет никем и потеряет все.

Этот блудливый льстец будет, словно пес, скитаться по улицам и ползать в грязи. Его будут гнать отовсюду с пинками, плевками и оскорблениями. Ах... одна только мысль об этом делала его счастливым. Даже отвращение от того, что он только что трахнул его, исчезло.

Улыбка Мо Жана становилась все более очаровательной и милой.

Небольшой нажим — и вот уже кровь алой струйкой сочится из раны.

Лежащий перед ним человек даже сквозь беспомощность почувствовал боль и что-то тихо пробормотал хриплым голосом. На его ресницах блестели капельки слез, и весь его вид вызывал лишь жалость.

Рука Мо Жаня внезапно застыла.

Он вспомнил одного старого друга.

— ...

В этот момент Мо Жань осознал, что сейчас делает. Застыв в оцепенении еще пару секунд, он медленно опустил руку.

Вот уж действительно, творить зло вошло у него в привычку. Он даже забыл, что переродился.

Сейчас еще ничего не произошло, он еще не совершил непоправимых ошибок, и тот человек... еще жив. Так зачем ему снова вести себя грубо и жестоко, ступая на проторенную кривую дорожку? Ведь теперь он может начать все сначала.

Он сел, закинув ногу на край кровати, и начал небрежно играть с осколком в своей руке. Внезапно его взгляд зацепился за лежащие на столе жирные лепешки. Он взял пакет, развернул промасленную бумагу и начал есть большими кусками. Губы очень быстро заблестели от жира, а к лицу вокруг рта прилипли крошки.

Хотя свернутые в рулетик лепешки были коронным блюдом этого дома развлечений, не то чтобы они были очень вкусными. По сравнению со всеми деликатесами, что он позже пробовал в своей жизни, эта еда напоминала безвкусный воск. Но после того, как заведение закрылось, Мо Жань больше никогда не мог поесть этих лепешек, и сейчас нахлынувшие воспоминания от знакомого вкуса на кончике языка снова возвращали его в прошлую жизнь.

С каждым проглоченным куском чувство нереальности происходящего становилось слабее.

Когда Мо Жань доел, его разум наконец прояснился.

Он действительно воскрес.

Все зло в его жизни и все роковые события, которые нельзя изменить, еще не случились.

Он не убивал тетю и дядю, не стирал с лица земли семьдесят два города, не опорочил своего наставника и не опозорил предков, не женился, не стал императором, не...

Еще не поздно все изменить.

Все еще смакуя знакомый вкус, он облизнул белоснежные зубы. Зародившаяся в его груди радость быстро разрослась до чувства ликования и головокружительного восторга. Перед смертью он был почти всемогущ: ему были хорошо знакомы все три запретных искусства. Двумя из них он овладел почти в совершенстве и только Возрождение, несмотря на свой непревзойденный талант, так и не смог постичь.

Он и подумать не мог, что то, о чем он так мечтал в жизни, сбудется после его смерти.

Но вкус былой обиды, тоски и одиночества[13] остался. Перед глазами все еще стояла картина

сжимающегося вокруг Пика Сышэн плотного огненного кольца и идущих на штурм повстанческих войск.

[13] Мо Жань сравнивает свои обиды со всем спектром чувств, что включает 五味 wǔwèi увэй — пять вкусовых ощущений (сладкое, кислое, горькое, острое, соленое) или пять вкусов лекарственных трав: кислый, горький, сладкий, острый, соленый.

В тот момент он и правда не хотел больше жить. Люди говорили, что он нес гибель всем, кто был близок с ним, и что ему суждено умереть в одиночестве. В конце концов он и сам почувствовал себя ходячим мертвецом, что в одиночестве влачил скучное и жалкое существование.

Непонятно, где произошла ошибка, раз такой не заслуживающий прощения человек, как он, после самоубийства получил шанс начать все сначала.

Так зачем же ему ради мелочной мести за давние проступки портить лицо Жун Цзю?

Жун Цзю всегда был алчным и до жути любил деньги. Достаточно будет просто не платить в этот раз и забрать с собой немного серебра[14] в качестве небольшого наказания и компенсации. Сейчас он не хотел обременять свою душу виной за отнятую жизнь.

[14] серебряный ямб — старинные китайские серебряные слитки, используемые в Древнем Китае как аналог денег.

— Дешево отделался, Жун Цзю.

Ухмыльнувшись, он легким движением пальцев выбросил фарфоровый осколок в окно.

Перед тем, как уйти, Мо Жань опустошил тайник Жун Цзю, прихватив с собой все нажитое им серебро и драгоценности. После этого он не спеша привел себя в порядок и довольный покинул дом развлечений.

Дядя, тетя, двоюродный брат Сюэ Мэн, Учитель, а еще...

От одной мысли об этом человеке Мо Жань смягчился, и взгляд его наполнился неожиданной нежностью.

— Старший брат[15], я иду искать тебя.

[15] 师兄 shī gē, шигэ — старший брат по ученичеству; так называли друг друга ученики одного наставника.

Автору есть что сказать:

Главный пейринг новеллы: Мо Жань и Учитель.

При появлении старшего братишки «белого лотоса» не спешите вставать на чужую сторону!□

<http://bllate.org/book/13579/1204840>